

МЕСТО ПОД НАЗВАНИЕМ ХАРБИН РАЗМЫШЛЕНИЯ О 100-ЛЕТИИ ГОРОДА



Томас ЛАХУЗЕН,
профессор университета Дюка, США

Некоторые люди по мере взросления и старения отказываются признать собственный возраст. Нечто подобное можно сказать о Харбине (столице провинции Хэйлуунцзян на Северо-Востоке Китая), городе, который не отметил свой столетний юбилей в 1998 г. Решением пекинского правительства Хэйлуунцзянскому университету, расположенному в южном пригороде Харбина, было отказано в праве провести в июне 1998 г. международную конференцию, посвященную истории города. Это решение, конечно, вряд ли можно признать удачным, как, впрочем, и всякое решение, ограничивающее свободу слова.

Как один из организаторов запрещенной конференции, я хотел бы ответить на этот вызов, посвятив свою статью национальному и международному значению столетнего юбилея Харбина. Для большинства историков существование Харбина начинается со строительства КВЖД, прошедшей через Маньчжурию и соединившей Трансбайкальскую железную дорогу с Владивостоком, а также имевшей ответвления, ведущие к Dalian (Дальнему, Дайрену) и Luda (Порт-Артуру). Возникнув как оплот колонизации, будучи финансово и административно подчиненным России, Харбин стал одним из наиболее важных экономических и стратегических центров в Северо-Восточной Азии в течение первых десятилетий XX в. Именно в этом качестве он послужил местом столкновения интересов раздробленного Китая, Российской империи (а после 1917 г. — и советской империи), Японии и других колониальных держав. С 1898 г. до 1945 г., харбинское население не ограничивалось «маньчжурскими россиянами». Китайцы, японцы, корейцы, евреи, французы, немцы, поляки, украинцы, армяне, татары, представители многих других национальностей участвовали вместе с русскими (не только эмигрантами, но и советскими гражданами) в социальной, экономической и культурной жизни города и многочисленных поселений вдоль КВЖД. В Харбине были банковские учреждения, школы и вузы, театры, кинотеатры, кабаре и кафешантаны, издавались газеты, журналы, действовали культурные, литературные и религиозные организации. Русские и другие иностранцы в основном занимали центр города «Даоли», что означает «внутри железной дороги», в то время как китайцы селились в «Даовае», т.е. месте «за железной дорогой» и в других пригородах. Такое колониальное разделение пространства противоречило самому смыслу слова «китаец», означающему «внутренний народ» (Zhongguoren). Международный характер Харбина стал изменяться к худшему после «маньчжурского инцидента» — в сентябре 1931 г. был оккупирован японской армией. С приходом со-

ветских войск в Харбин в 1945 г. у города началась новая фаза истории: иностранцы стали покидать его, а китайцы занимать свое законное место.

После массовой высылки иностранцев в конце 1940-х — начале 50-х годов (последние русские, за исключением буквально нескольких человек, покинули Харбин в годы культурной революции) город последовательно изгонял из своей культурной памяти все следы иностранного «присутствия». Все, что осталось — это несколько ветхих зданий и церквей. Память ранней истории Харбина была сохранена повсюду, куда эмигрировали харбинцы — в Австралии, Америке, Европе и на Ближнем Востоке. Харбин стал источником мемуаров эмигрантов, большей частью русских, но и других. Например, Ассоциация бывших жителей Китая, Iqud Yotsei Sin, существующая в Иерусалиме, недавно опубликовала 301-й очерк воспоминаний в своем бюллетене(1). Имеется несколько работ, посвященных русской литературе в Харбине, а также различным аспектам его истории. При этом некоторые из них весьма экзотичны, как например книга Джона Стефана «Русские фашисты: трагедия и фарс в изгнании, 1925—1945 гг.» Отдельные разделы в ряде исследований, опубликованных в США, таких, как «Финал в Китае: формирование, развитие и распад Белой русской эмиграции на Дальнем Востоке» П. Балакшина, «Русская и советская политика в Маньчжурии и внешней Монголии, 1911—1931 гг.» П. Танга, «Маньчжурия: колыбель конфликта» О. Латтимора, «Мягкие империалисты? Представители царской России в Маньчжурии, 1895—1917 гг.» Р. Квестед, «Революционная борьба в Маньчжурии. Китайский коммунизм и советские интересы, 1922—1945 гг.» Чонг Сикли(2). По мере того, как Советский Союз проявлял геополитические интересы в этом регионе, тема Харбина становилась все более закрытой.

Начиная с 1991 г., Харбин вновь появился на карте научных исследований. Можно говорить о волне публикаций, которая прокатилась по всей России от Москвы и Санкт-Петербурга до Владивостока. Здесь были статьи, авторефераты диссертаций, монографии и даже альманахи, вышедший во Владивостоке. Была предпринята попытка возродить харбинское периодическое издание «Рубеж». Новый альманах не только использовал название харбинского журнала, но и продолжил его нумерацию. Последний выпуск «Рубежа» (№862) вышел в Харбине в августе 1945 г., а первый владивостокский выпуск — в 1992 г. — был опубликован под номером 863. Тем самым сохранялась историческая преемственность, несмотря на то, что место публикации журнала переместилось за «рубеж»(3). Большая часть «харбиняны», появившейся в России в последнее время, была написана бывшими жителями Харбина, которые вернулись в СССР после 1945 г. и для которых, судя по этим публикациям, место их давнего изгнания чудесным образом сохраняло нечто неискоренимо и существенно «русское». Например, мемуары Георгия Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» представляют собой некую попытку сублимации «советского»: легко обнаружить следы советской «дружбы народов» в его здравницах во славу «взаимного обогащения и влияния двух великих культур — русской и китайской», причем в этом явлении неизменно подчеркивается доминирующая и просветительская роль первой из «великих культур», на долю второй остаются лишь тайны Востока да ностальгия(4). Работы, в которых анализируется колониальный характер российского присутствия в Маньчжурии и Харбине, исключительно редки. К ним следует отнести диссертацию Марии Кротовой «Харбин — аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898—1917)», защищенной в 1996 г.(5).

За пределами России Харбин также привлек к себе внимание ряда исследователей. В 1993 г. Варшавским музеем независимости(6) был опубликован том о «польском Харбине». В Торонто под редакцией Ольги Бакич, бывшей жительницы Харбина, выходит литературный и исторический ежегодник «Россияне в Азии». В четвертом номере ежегодника, в частности, опубликованы мемуары чешки, написавшей по-русски о своей жизни в Харбине после 1945 г.

вплоть до ее репатриации в Чехословакию в 1952 г.(7). В конце 1998 г. появилась работа Д. Вольфа о Харбине(8). Открываются и каталогизируются прежде неизвестные частные архивы, по материалам которых пишутся новые работы.

В Интернете существует несколько «страничек», посвященных Харбину. Прошли конференции в честь столетия города. Владивостокский институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока даже опередил события, проведя симпозиум по КВЖД в сентябре 1997 г.

Все это говорит о том, что распад советской империи создал новое пространство для освоения прошлого, которое, казалось бы, принадлежало членам различных диаспор, покинувших место своего прежнего жительства. Для одних Харбин был местом рождения, для иных — пристанищем, «полустанком» на долгой дороге эмиграции. Для кого-то Харбин стал временным местом административной, дипломатической, военной службы, либо предпринимательства.

В соответствии с книгой Анри Лефевра «Производство пространства»(9), различие между пространством и местом носит фундаментальный характер. Как Ариф Дирлик пишет: «Пространство есть продукт, географический эквивалент товара; место, с другой стороны, есть продукт и произведение, оно обладает уникальностью произведения искусства или художественного промысла. Пространство и место противоположны друг другу, это оппозиция различных видов труда (и различных стадий в процессе производства пространства)... Не в меньшей степени, чем «борьба памяти против забвения» в сфере временных отношений, если воспользоваться выражением Милана Кундеры, борьба за конкретность места является борьбой против власти и гегемонии абстракций»(10). Эти слова удивительно точно вписываются в контекст нового интереса к Харбину и столетию города.

Книга датских сиологов Клаузена и Тогерсена «Создание китайского города: история и историография в Харбине», вышедшая в 1995 г., непосредственно соотнесена с концепцией места — это единственная публикация за пределами Китая, посвященная китайской истории города и возвращающая право голоса тем, кто писал историю на этом месте. Каждая глава содержит не только критический анализ исторической литературы в пост-маоистском Китае, но и предлагает избранные тексты местных авторов в английском переводе. Последняя глава обращается к китайской историографии, национальным и местным институтам истории, а также детально описывает институт местной газеты (difanqzhi) в его харбинской версии. Для авторов существуют по крайней мере четыре истории Харбина — российская, международно-западная, японская и китайская. Авторы книги избрали четвертую, как наиболее «трудную» из всех историй Харбина, поскольку «установление китайскости Харбина было завоевано в ходе длительной и тяжелой борьбы. Они пишут: «Современная историография в Харбине по необходимости переписывается для того, чтобы определить должную и достойную роль этих составляющих в Городе Многих Хозяев. Чувство боли, объединяющее современную китайскую историографию поверх политических различий и научных споров, наиболее концентрированно выражено в случае Харбина: эта боль — вполне понятная — от эксплуатации, обиды и полного пренебрежения не только со стороны некитайских жителей города, но и со стороны иностранных историков... «Китаизация» харбинской истории значит больше, чем обычное привлечение модели национального стандарта. Это также попытка реабилитации той части Китая, которую китайцы, живущие на юге от Великой Стены, неизменно считали дикой и нецивилизованной»(11).

Однако не все, жившие в месте, называемом Харбин, будут удовлетворены выбором авторов «Создания китайского города». Почему существует лишь четыре истории Харбина, а не пять, не шесть? Как насчет еврейского, корейского, польского вариантов харбинской истории? Почему китайская версия «труднее», чем, скажем, русская? И почему обязательно надо выбрать одну из

многих? А как быть в таком случае с историей межнациональных семей и их потомков, в жилах которых смешалась китайская и русская кровь, ептаоzi и саптаоzi двух- и «трехволосые» (русских называли Лаптаоzi — «староволосые»)? А что делать с такими «гибридами», как православные китайцы из Харбина, которые до сих пор посещают службу воскресную в соборе Святой Богородицы в Сан-Франциско? Сложная история межрасовых и межэтнических отношений в Харбине еще не написана и еще только предстоит открыть и исследовать целый пласт литературы на эту тему — романы, журналы, газеты, дневники и другие личные документы, не говоря уже о срочной необходимости собрать свидетельства живых носителей устной истории. Как, например, интерпретировать сцену, изображающую визит молодой китайской женщины в больницу для бедных, организованную русскими в 1934 г., — из квази-автобиографического романа Сяо-Хун «Базарная улица»? Войдя в гинекологический кабинет, Сяо испугалась вида «короткой, но очень широкой и очень высокой платформы» за ширмой, «с обеих сторон которой возвышалось что-то, напоминающее большие вилки». «Когда я отказалась «залезать туда», тяжело-весная русская женщина сама забралась в кресло, чтобы показать мне, что здесь нет ничего страшного и что никто не собирается делать мне операцию. После того, как она спустилась, я забралась наверх и была осмотрена». Когда доктор велит ей забрать прописанные лекарства на следующий день, другие пациенты больницы сообщают, что никаких лекарств ей не дадут под предлогом того, что медикаменты слишком дорогие и больные сами должны купить их. Получив такой совет, Сяо уже никогда не приходит за своими лекарствами(12).

Важным источником для изучения русско-китайских отношений в Харбине раннего периода, конечно, является «Юань-дун-ба», («Дальневосточная газета»), выходявшая на китайском языке с 1906 по 1921 г. как издание КВЖД под редакцией Александра Яковлевича Спицына. Евгений Нилус писал в своем втором (неопубликованном) томе «Исторического обзора КВЖД» о той роли, которую эта газета играла в отношениях между русскими и китайцами на административном, политическом и социальном уровнях, несмотря на периодические проблемы(13). Возможно, по этой причине избранные выпуски газеты были опубликованы в Китае в начале 1980-х(14). Спицын умер в Харбине в 1941 г. Некролог, напечатанный 25 ноября 1941 г. в газете «Заря», напоминает о роли, которую он сыграл в конце 1917 г. Генерал Хорват направил Спицына вести секретные переговоры с китайскими властями в то время, когда прапорщик Рютин пытался захватить власть в городе, «выполняя указания В. Ленина». Спицын на некоторое время нашел укрытие в Фуцзядне — китайской части города, где он мог продолжать свою деятельность(15). Однако несмотря на симпатии китайцев к Спицыну «Юань-дун-бао» перестала выходить в 1921 г. Это было следствием выполнения «дополнительного соглашения», по которому КВЖД отказывалась от прав вести какую-либо политическую деятельность(16).

А. Аппадурай в книге «Современность крупным планом: культурные измерения глобализации» пишет о «срочной необходимости обратить пристальное внимание на культурную динамику, связанную с процессом, в настоящее время определенным как «детерриториализация». Этот термин «относится не только к таким самоочевидным примерам, как транснациональные корпорации и банки, но и к этническим группам, сектам, и политическим образованиям, которые все больше и больше выходят за пределы конкретных территориальных и национальных границ»(17). В случае Харбина такое явление не представляет собой ничего нового: многонациональный характер города в первой половине столетия, его бурная история, его расположение в довольно удаленном от центра уголке Китая, который некоторое, весьма краткое, время служил домом «последнему императору», — все это обеспечивает особый «восточный» колорит всей литературы о Харбине.

В качестве примера возьмем воспоминания французской журналистки, посетившей город в 1936 г. В своей книге «Одна в бушующей Азии. Маньчжоу-Го — Монголия, 1936—1937 гг.» Габриэль Бертран «детерриториализирует» русских (как белых, так и красных) и харбинских китайцев до такой степени, что все население города, кажется, смешалось в единый национально-культурный конгломерат — азиатчину, исключение делается только для японского оккупанта, который здесь играет очень «западную» роль носителя порядка и цивилизации, впрочем, до тех только пор, пока он остается в своих «естественных» границах. «Все солдаты на севере призываются из японских деревень, которые обмерены, отмечены, чеканные, как серебро. Грубо заброшенные в безграничные просторы Маньчжурии, завоеванные их армиями, солдаты опьянены величием и действуют жестоко, иногда предаваясь худшим из зверств»(18).

Харбин — «столица севера» и «перекресток Азии» является «королем конфликтов и интриг»: «После двух дней в Харбине, когда вам уже разъяснили, что спрятано под бурлением этого удивительного и опасного города, превосходящего по дерзости, по гангстерам, по интригам, по аферам худшие стороны американского Чикаго... вы уже не доверитесь без оглядки веселому очарованию харбинских улиц. Похищения и убийства разыгрываются здесь в открытую в любых вариациях и масштабах. Иногда приключения больше напоминают водевиль, но часто могут закончиться трагедией. Что за город!»(19). На фотографии, где изображена журналистка, видно, что она в сапогах и твердо стоит на земле, а руки спрятаны в карманы. Это фото предвещает главу «Красные, белые и... желтые!» Отметив, что «более, чем 20 наций» живут в городе с населением в 25 тыс., француженка вновь поражена «неподражаемым бурлением», открыто определяемым как «славянское». «Нигде в мире нет такой смеси убогости, грязной нищеты, обвалов удачи и разнузданных наслаждений... Нигде тайное и трагическое влечение к наслаждению и смерти не растет с такой мощью... Нигде более самые опасные политические мечты не воплощаются, не растворяются и не рушатся так стремительно... Женщины прелестны, сплошной бархат и металл. Их неугомонное стремление соблазнить выливается в один бесконечный роман, оргастический, чувственный и грубый, обостренный очарованием и благословенной агонией алкоголя. Риск и поэзия. Любовь к любви, вызывающее неповиновение денег, преступления и отсутствие какой-либо осторожности... Таков Харбин!»(20).

«Харбин — угнетающий город» — так называется следующая глава, в которой нищета и покорность харбинцев противопоставлены агрессивности японцев, охраняющих улицы, захватывающих лучшие места и вытесняющих прежних жильцов. Некто Исаак З., руководитель газеты «циркулирующей в славянских кругах, между Харбином, Тяньцзинем и Шанхаем», говорит ей: «Здесьняя политика сводится к финансовым махинациям, шантажу, выживанию неугодных. Все прочее — литература». Журналистка отмечает, что через десять дней она полностью изнурена этой «безумной, сложной и угнетающей жизнью». Когда она уже готова уехать, то вдруг чувствует озноб и решает все же воспользоваться преимуществами «более цивилизованной стоянки» для того, чтобы сделать себе прививку от тифа(21).

Я думаю, что всякий, кто когда-либо жил или живет в месте, под названием Харбин, какого бы цвета он или она ни были — «красного, «белого» или «желтого» — будет задет или даже оскорблен литературными излияниями французской журналистки, даже если ее слова и относятся к далекому прошлому, к эре «Великой Маньчжурской империи» — как «марионетка Маньчжоу-Го» именовала себя во время своего эфемерного существования. Однако именно с этим чувством я и хотел бы предложить взглянуть на проблему «столетия».

Когда я поднял вопрос об организации международной конференции по истории города во время своей первой поездки в Харбин в 1994 г., то не сознавал того факта, что вопрос «торжеств» по поводу Харбина и его истории

был и тогда предметом жарких дискуссий. Полемические статьи на эту тему появились в различных выпусках «Haerbin shizhi» («Историческая летопись Харбина»), издаваемой отделом летописи харбинского городского правительства(22). Две основные точки зрения были представлены в этих выступлениях: меньшинство приветствовало столетие города, а большинство отказывалось признавать эту дату. Центральным был, конечно, вопрос о том, в какой степени рождение Харбина связано с датой начала строительства КВЖД (9 июня 1898 г.). Как доказывает Вей Гуоджун (We Guozhong) в статье «Уважайте историю, уважайте действительность» те, кто считает, будто атрибуция основания города по дате закладки КВЖД наносит удар по китайскому национальному достоинству, проявляют узколобость. Автор обращается к «секретному договору» 1896 г., который, как он напоминает, был подписан представителями двух суверенных народов на основании общего решения и совместного финансирования; он пишет о том, что большинство строителей КВЖД были китайцами и что, наконец, не все иностранцы обязательно являются агрессорами и преступниками. Независимый народ, добавляет он, у которого достаточно веры в свои силы, не станет опасаться признания позитивного вклада иностранцев в его историю; такая позиция, напротив, даст новый стимул иностранным капиталовложениям и укрепит Харбин как центр международной торговли(23).

Дуань Гуанда (Duan Guanqda), другой участник полемики, не видит ничего зазорного в том, что день рождения Харбина связан с датой закладки КВЖД. Это не только начальная точка для дальнейших исследований — она может быть принята людьми с личными мнениями. Долг историков установить дату юбилея Харбина как можно скорее, поскольку вопрос этот имеет далеко идущие последствия для общества: это, как гласит заголовок статьи, «действительно отличный повод, который случается раз в сто лет»(24).

Другие статьи выражали более консервативные мнения: «Осторожнее с выбором дня юбилея Харбина», «Начало строительства города определяется формированием этого города», «День закладки КВЖД не должен быть днем юбилея Харбина», и «День создания городской администрации должен стать днем рождения Харбина»(25). Ван Юнь (Wanq Yun), автор первого выступления, сообщил о двух собраниях, проведенных шестью «единицами» (danwei), в том числе Отделом городских газет с участием руководства города, на которых обсуждался вопрос «о начале эры Харбина в истории», также об «ознаменовании дня Харбина в современной истории».

Автор пишет, что «некоторые товарищи, присутствовавшие на собрании, представили множество материалов и высказали независимые суждения» — что явилось для него, профессионального историка, «источником огромного вдохновения». Он признает, что некоторые мнения, высказанные теми, кто защищал идею празднования столетия Харбина в 1998 г., отражали подлинную заботу о повышении «видимости» города, улучшении «образа реформ», что в свою очередь укрепило бы статус города. Ван Юнь пишет: «Хорошо, что академические исследования служат сегодняшнему духу реформ, но надо помнить, что Харбин был построен после того, как страна стала полуколонией».

Ван Юнь затем перешел к обзору других точек зрения и опроверг пункт за пунктом различные аргументы в пользу празднования столетия Харбина в 1998 г., высказанные в ходе двух «дискуссий». Вот несколько примеров контраргументов этого автора: «Несмотря на важность КВЖД для развития города, нельзя связывать закладку железнодорожной трассы с созданием Харбина, во-первых, потому что имя «Харбин» существовало и раньше, и, во-вторых, потому, что КВЖД была продуктом русской агрессии, как В. Ленин ясно показал в свое время. Аргумент, в соответствии с которым Россия заключила серию несправедливых договоров с правительством династии Цин для того, чтобы добиться общего сопротивления японской агрессии, также неверен: Россия использовала эти соглашения для того, чтобы оккупировать 150 тыс. кв. км на

северо-востоке Китая, шаг, сравниваемый Ван Юнем с «грабежом горящего дома». Разве тот факт, что КВЖД строилась китайцами, означает, что эта дорога была китайской? Нет, такой взгляд игнорирует фундаментальные положения марксизма: когда мировой капитализм вступает в стадию империализма, он «сосет кровь колонизированных народов».

Тем, кто считает, что строительство КВЖД было совместным русско-китайским проектом, автор возражает: русское министерство финансов было единственным владельцем контрольного пакета акций. По Ван Юню, вопрос о дате основания Харбина должен быть решен прежде всего с точки зрения национальной гордости, потому что эта проблема относится к ведомству «внутренних дел». Но «внутренние дела» понятие растяжимое, особенно когда речь идет о «национальной гордости». Ван Юнь пишет о своей поездке в Хабаровск 28 мая 1993 г. (используя при этом китайское название города — Боли): «В тот день город отмечал 135 годовщину со дня своего основания, факт, который я не мог признать и который доставлял мне сильное неудобство».

Этот аргумент, однако, не развит, хотя и продолжен некоторыми «внутренними» соображениями: естественно, дата рождения Харбина должна соответствовать началу китайского правления, но здесь опять возникает немало проблем. Когда правительство династии Цин установило свою администрацию в Биньцзяне, Харбин уже был современным городом. Это все равно что «зарегистрировать человека через много лет после его рождения». Ван Юнь заключает тем, с чего он начал: дискуссии полезны, но осторожность необходима, не следует «слишком беспокоиться о быстрых результатах».

Другие статьи выражают аналогичные идеи, сводимые к одному и тому же главному аргументу: КВЖД сыграла важную роль в истории города, но не имеет отношения к его основанию. Вей Шенжуй (Wei Shenqgui), автор статьи «День закладки КВЖД не должен стать днем юбилея Харбина», доходит до того, что утверждает будто «Харбин процветал во время династии Цзинь», претерпел упадок во времена династий Юань и Мин и вновь поднялся при династии Цин. Он предлагает детальное описание пяти улиц района Даовай, которые «начали существовать — а с ними и город» между 1870 и 1897 гг.(26). Подчас его антирусская риторика звучит весьма жестко: «В 1902 г. Россия планировала аннексировать Маньчжурию. Если бы этот план строительства «желтой России» был успешно осуществлен, Харбин стал бы «восточной Москвой».

Обещания В. Ленина уничтожить несправедливые соглашения между Россией и Китаем не были выполнены. Советский Союз унаследовал от России старую политику территориальной экспансии в Китай, не только «фабрикуя лживые измышления о границах», но и практически осуществляя старую русскую мечту о выходе к теплым морям в результате агрессивной политики, в которой кровавый инцидент на острове Чженьбао (Дананский) был всего лишь одним из многих примеров(27). Лю Чендун (Liu Chenqdonq) предлагает дату 31 октября 1905 г. — это был день, когда Цинское правительство установило свою администрацию и разрешило открытие Харбина, или, вернее, Биньцзянского порта. Именно в течение 1898—1905 гг. «количество перешло в качество», и «эмбрион» Харбина развился в современный город. В этой статье особенно подчеркивается, что сугубо «внутренний процесс» дал толчок истории Харбина, что подкрепляется ссылкой на знаменитое эссе Мао Цзэдуна «О противоречии»: Внешние элементы осуществляли свою роль через внутренние элементы, общество может развиваться, город достигать процветания или, наоборот, переживать упадок «благодаря не внешним, а внутренним элементам». КВЖД — это только внешний элемент. «Внешние причины создают условия для перемен, а внутренние причины есть основание перемен, внешние причины опосредуются внутренними причинами». Поэтому дата юбилея Харбина не может определяться существованием КВЖД»(28).

Закончить я хотел бы, обратившись к выступлению Ши Фана и Гао Лина «Еще раз о проблеме начала строительства Харбина»(29). На первый взгляд, авторы этой статьи принадлежат к лагерю тех, кто «уважает историю, уважает действительность». Обосновывая свое определение «современного города» такими феноменами, как индустриализация, развитие буржуазии, товарное производство, и т.п., Ши Фан и Гао Лин доказывают, что ни Харбин, ни окружающие его районы не имели таких условий до начала строительства КВЖД: жизнь этого района была ограничена традиционными занятиями сельским хозяйством. Те, кто полагают, будто эти территории могли развиваться без внешнего вмешательства в силу уникальности природной среды, должны в таком случае объяснить, почему это не произошло раньше.

Отсюда, развитие Харбина как современного города есть результат не внутренних, в внешних социально-экономических сил, в первую очередь строительства КВЖД; и в этом смысле Харбин отличается от других городов Китая. Для Ши Фана и Гао Лина отношения между КВЖД и образованием города «недостаточно просты», чтобы их можно было объяснить только патриотическими соображениями. «Исторический материализм», пишут они, должен быть использован здесь, потому что дата рождения Харбина как современного города и ознаменованье столетней годовщины также относятся к практическим вопросам.

Некоторые авторы предлагают использовать «историческое прошлое» для того, чтобы содействовать торговле, «вынести историю на сцену ради того, чтобы разыграть экономический спектакль» (*da lishi zhитай chanq jinqi zhi xi*). Тот факт, что развитие Харбина шло параллельно с колонизацией Китая Россией и Японией, конечно, не может не быть принят во внимание; но если историю можно использовать, ее нужно использовать; если же история оказывается сомнительной, «экономический спектакль», скорее всего, не удастся.

«Исторический материализм» Ши Фана и Гао Лина хорошо иллюстрирует современный китайский «прагматизм». Здесь в первую очередь создается пространство для инвестиций, и это очень отличает «прагматизм» от колониальных мифологий, в которых «красные, белые и... желтые» делили единую «восточную» судьбу. Можно сказать, что дебаты на страницах «Исторической летописи Харбина» — это и есть история, вынесенная на сцену. Но «экономический спектакль» превыше всего: с «историей» на заднем плане, где роль огней рампы исполнит своего рода новый союз между китайским национализмом и транснациональным капиталом(30). Прав ли Аппадурай, писавший, что «государства во всем мире находятся в осаде, особенно те, в которых споры об идеологическом пейзаже демократии еще носят яростный и фундаментальный характер?»(31). Я думаю, скорее, наоборот: в осаде находятся не государства, но национальная идентичность, привязанная к конкретному месту, и потому — демократия.

По какой же причине Пекин запретил Харбинскую конференцию 1998 г. года? Потому ли, что приглашать только ученых было невыгодно, или же возникли серьезные сомнения насчет возможности «успешно разыграть спектакль»? Вероятно, обе догадки имеют под собой основания. Конференции, отмечающие столетие Харбина, конечно, проводятся повсюду, и желающие могут свободно высказаться. С точки зрения Пекина, все будет не более чем «жужжанием мух», если воспользоваться цитатой из известного стихотворения Мао Цзэдуна(32). Для тех же, кто живет и жил в месте под названием Харбин, все, что будет сказано, будет значимо — если не забудем, для кого мы говорим.

¹ Bulletin. Igud Yotzei Sin. Association of Former Residents of China. English Supplement. Issue № 351 (September – October 1997).

² John Stephan, *The Russian Fascists: Tragedy and Force in Exile, 1925-1945* (New York: Harper & Row, 1978); Петр Балакшин. *Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке*. Сан Франциско: Сириус, 1958; Peter S.H. Tang, *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911-1931* (Durham: Duke University Press, 1959); Owen Lattimore, *Manchuria: Cradle of Conflict* (New York: AMS Press, 1975); R.K.I. Quesed, «Matey» Imperialists?: *The Tsarist Russians in Manchuria, 1895-1917*. Centre of Asian

- Studies Occasional Papers and Monographs, No.50 (Hong Kong: Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1982); Chong-Sik Lee, *Revolutionary Struggle in Manchuria: Chinese Communism and Soviet Interest, 1922-1945* (Berkeley: University of California Press, 1983).
- ³ Рубеж: Тихоокеанский альманах. Под. ред. А.В. Колосова. К настоящему моменту опубликованы два выпуска: №1/863 (1992) и 2/864 (1995).
- ⁴ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С.267.
- ⁵ Кротова М.В. Харбин — аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С.-Петербург, 1996.
- ⁶ Marek Cabanowski, *Tajemnice Mandzarii: Polacy w Harbinie* (Warszawa: Muzeum Niepodleglosci, 1993).
- ⁷ Сирокова В.И. Откуда я родом // *Россияне в Азии: Лит.-ист. ежегодник. 1997.* №4 С.237—264.
- ⁸ См. вышедшую из печати книгу Дейвида Вольфа, посвященную первой фазе харбинской истории: David Wolff. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914* (Stanford University Press, 1998).
- ⁹ Henri Lefebvre, *The Production of Space*, tr. By Donald Nicholson-Smith (Oxford: Basil Blackwell, Ltd., 1991).
- ¹⁰ Arif Dirlik, «Place-based Imagination: Globalism and the Politics of Place». Готовится к печати. Цитирую по рукописи. С.5. 14.
- ¹¹ Soren Clausen and Stig Thogersen, *The Making of a Chinese City: History and Historiography in Harbin* (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995), XII-XIII.
- ¹² Xiao Hong, *Market Street: A Chinese Woman in Harbin*. Tr. Howard Goldblatt (Seattle: University of Washington Press, 1986), 125.
- ¹³ Евгений Христианович Нилус. Исторический обзор КВЖД, 1896—1923 гг. 1923. Т. 2. Глава «Пресса».13. Машинопись,
- ¹⁴ «Yuandongbao» zhaibian (1-12 ji) Haerbin shi renmin zhengfu difangzhi biancuan bangongshi (1983-1984).
- ¹⁵ А.В. На панихидах по А.В. Спицыну // *Заря. 1941. 25 нояб.:* 3. Статья вместе с другими материалами может быть найдена в папке Спицына в «Бюро русской эмиграции» (БРЭМ), находящийся в Хабаровском краевом архиве ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.2019. К сожалению, большая часть оригиналов БРЭМ была изъята УГБ Хабаровского края в 1948 г.
- ¹⁶ Е.Х. Нилус. Исторический обзор КВЖД. 13.
- ¹⁷ Arjun Appadurai, *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997), 49.
- ¹⁸ Gabrielle Bertrand, *Seule dans l'Asie trouble. Mandchoukuo-Mongolie 1936-1937.* (Paris: Librairie Plon, 1937), 35.
- ¹⁹ Там же. С.55.
- ²⁰ Там же. С.56.
- ²¹ Там же. С.66—68.
- ²² Об этом и других подобных институтах в Харбине см.: Soren Clausen and Stig Thogersen, *The Making of a Chinese City.*
- ²³ Wei Guozhong, «Zuanzhong lishi, zuanzhong shiji» Haerbin shizhi 1 (1994): 46.
- ²⁴ Duan Guangda, «Zhenzheng bainian yiyu de da hao jihui» Haerbin shizhi 1 (1994): 47.
- ²⁵ Wang Yun, «Xuanze Haerbin chengshi jianshe jinianri ying shenzhong» Haerbin shizhi 1 (1994): 48-49, 56; Dong Zhenyu, «Chengshi jianshe qishi yingyi chengshi xingchen de jichu erding» Haerbin shizhi 1 (1994): 50-51; Wei Shengrui, 'Zhongdong tielu xiuzhu zhiri buying zuowei Haerbin chengshi jianshe jinianri» Haerbin shizhi 3 (1994): 29-31; Liu Chengdong, «Zouzhun shizhi ri yingwei Haerbin jiancheng jinianri» Haerbin shizhi 3 (1994): 32-34.
- ²⁶ Wei Shengrui, «Zhongdong tielu xiuzhu zhiri buying zuowei Haerbin chengshi jianshe jinianri».
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Liu Chengdong, «Zouzhun shizhi ri yingwei Haerbin jiancheng jinianri».
- ²⁹ Shi Fang, Gao Ling, «Zai tan Haerbin jindai chengshi qidian wenti» Haerbin shizhi 2 (1994): 36-40.
- ³⁰ Данную формулировку я позаимствовал из статьи Арифа Дирлика: Arif Dirlik, «Place-based Imagination: Globalism and the Politics of Place», 15, n.22.
- ³¹ Arjun Appadurai, *Modernity at Large*, 49.
- ³² Mao Zedong, «Reply to Comrade Guo Moruo» (January 9, 1963). *Poems of Mao Zedong*, trans. Gu Zhengkun (Beijing, 1993): 197.

**Перевод с английского
Т. Г. ТРОЯКОВОЙ**

SUMMARY. The article written by Professor Thomas Lahusen «A Place Under Name of Harbin» is devoted to the Centennial of this Chinese town. The author depicts the history of building Harbin, his inhabitants, their ethnic composition, tells about the role of Chinese Eastern Railway in developing this city... The article also contains information about the celebration of the centenary of the city by the public and the authorities of the People's Republic of China.